

После долгого секса потерял сознание. Артур, который хвастался чудовищной выносливостью, тоже, похоже, устал и вырубился рядом с Эллиотом. Когда разгорячённое тело медленно остывало, холод обрушивался, и оба, словно договорившись, прижались обнажёнными телами под одним одеялом.

— Ффф.

Сколько проспал? Когда с трудом приподнял отяжелевшие веки. В комнате было сумрачно. Похоже, рассвет уже прошёл. Снаружи чувствовался дождь вместе со звуком мрачного ветра.

Вокруг было тихо. Судя по тишине, струи дождя ослабли. Воздух по-прежнему был влажным, а к выглядывавшей из-под одеяла коже холод прилипал, словно ждал этого момента.

— Ммм.

Обмяк, как бумага, размоченная в воде, но всё же ещё не умер, поэтому немного двигался. Хотя движения были похожи на движения новорождённого младенца, мог положить свою холодную ступню на икру обнимавшего его мужчины.

— Мм.

Почувствовав холод, Артур зашевелился. Эллиот надеялся, что спина, прилипшая к его груди и животу, не оторвётся. К счастью, тот во сне ещё крепче обнял Эллиота. И пошевелил ногами, расправляя одеяло равномерно.

Пока тёплая ткань защищала тепло, Эллиот уткнулся замёрзшим носом в мягкую подушку. Нос Артура, приблизившегося вместе с этим, пощекотал затылок.

— Элли... от.

Хриплый голос грубо прозвучал. Ленивый вздох коснулся уха. Проклятый ублюдок был слишком тёплым, и Эллиот не хотел отказываться от этого комфорта.

Можно было немного дольше наслаждаться мимолётным покоем.

В момент, когда встанет с этой уютной кровати, покинет эту холодную комнату и проклятый Замок Терновника, Эллиот решил больше никогда не видеть отвратительную физиономию Артура.

Поздним вечером, поднявшись с места, Эллиот резко отбросил руку, которой Артур обнимал его. От мысли о содеянном хотелось умереть. Но если умрёт сейчас, в проигрыше останется только он. Лучшее, что можно было сделать с необратимым, – это быстро забыть. Это был урок, усвоенный после того, как в юном возрасте потерял родителей.

— Ффф.

Горло пересохло. Голова кружилась, и всё тело болело и было вялым, словно его избили. Самая ужасная боль была, пожалуй, в промежности и паху. Насколько грубо обращались. Эллиот, морщась, представлял сцену, как разрубает проклятый член Артура. Но более срочным было бежать из проклятого Торнхилла.

—

Эллиот молча проглотил ругательство. С изувеченным телом бороться было бы невыгодно, и

тот мог насильно накормить опиумом и ненасытно раздвигать дырку.

С трудом удерживая подкашивающиеся ноги, отряхнул и надел скрученные штаны. Рубашка была в ужасном состоянии, но заменить её было нечем, и если надеть сверху жилет и пиджак, брошенные в углу, казалось, получится как-то прикрыть.

— Сможешь с таким телом на лошади ехать?

Дрожащими руками касаясь пояса штанов, Эллиот мельком обернулся на того типа. Улыбка по-прежнему была отвратительной.

— Не буду просить дать карету, так что заткнись.

Пока Эллиот, проклиная ослабевшие пальцы, с трудом одевался, тот тип встал с кровати и подошёл к окну. Слегка отодвинув штору и выглянув наружу, Артур повернулся.

— Всё ещё моросит дождь.

Тип, не знающий стыда, был полностью обнажён. Глядя трезвым взглядом, с которого ушёл опиум, член того типа был поистине зверским. То, что такая вещь входила и выходила из его дыры. Не мог не ужаснуться в душе. К тому же на длинном и толстом пенисе остались беловатые следы. Вероятно, это была растаявшая внутри Эллиота мазь.

Внезапно стало стыдно до смерти. На этот раз не было удачи, чтобы опиум унёс воспоминания. Слишком живо помнил, каким образом соблазнял Артура. Просил мучить и бить.

"Чёрт возьми. Теперь о рае можно вообще забыть".

Тайно выравнивая учащённое дыхание, изливал проклятия внутри. Надеялся попасть туда, где родители. Жизнь искривилась, как грязный хуй хряка.

— То, что должен был заплатить, заплатил, так что впредь зря не придирайся.

Насильно вложив силу в кончики пальцев, удалось застегнуть пуговицы на жилете. Игнорируя скрипящую поясницу и тазобедренный сустав, несколько раз пошатывался, засовывая ноги в сапоги. Увидев это, Артур насмешливо фыркнул.

— Упадёшь, спускаясь по лестнице. Шея полностью не зажила. Лучше бы уступил упрямству. Если подхватишь грипп, легко перейдёт в пневмонию.

— Не хочу больше видеть твою морду, так что мои вещи пришли через кого-нибудь другого.

— А деньги?

На эти слова Эллиот уставился на того типа. Теперь вспомнил - чек уже отправил Лилибет. Неприятно сообразительный тип с насмешкой открыл рот.

— Твоя дырка - это плата за оказанную тебе услугу. Если хочешь получить вещи обратно, должен вернуть мои деньги. Твоя дырка не настолько дорого стоит.

Уголки глаз раскалились. Если бы мог сжать кулак, размазал бы эту физиономию. Эллиот стиснул зубы и задрожал. Схватив пиджак, взял хлыст. Затем, проявив сверхчеловеческое терпение и игнорируя вопли своего тела, быстро покинул комнату.

Артур только смотрел на такого Эллиота.

Спустившись по лестнице, обнаружил ждущего Гилфорда. Он молча прошёл мимо.

Когда Эллиот сам открыл входную дверь и вышел, кучер, получивший сообщение от Гилфорда, подготовил лошадь Эллиота. За эти два дня не морили голодом и не мучили – шерсть лошади блестела.

Само по себе поставить ногу на стремя было мучением, а когда с усилием забрался на спину лошади, было настолько ужасно больно, что хотелось вырезать промежность.

— Кхх.

Эллиот дрожал, держа поводья. Прежде чем кучер и Гилфорд посмотрели странным взглядом, стиснув зубы, ударил хлыстом. Лошадь помчалась в сторону Найтстона.

Тук-тук.

Когда лошадь бежала, ягодицы естественно ударялись о седло. Каждый раз перед глазами вспыхивали звёзды, зрение чернело, а затем белело. Если бы морозящий дождь не хлестал по щекам, Эллиот мог бы потерять сознание.

— Проклятый тип. Хорошо бы упал с корабля, и акулы оторвали куски плоти, или в колонии подхватил грязную болезнь и сдох.

Более того, жутким было то, что во время скачки откуда-то из дыры плавно вытекала жидкость. Для мази была довольно влажной. Немного погодя, внезапно осознав её природу, Эллиот закусил губу до крови.

— Чёрт. Чёрт.

Было обидно и жалко. Глаза нагрелись. До прибытия домой Эллиот специально поднял голову и подставил лицо дождю. Чтобы слуги, встречающие хозяина, не смотрели странно на его ужасный вид. Нужно было остудить искажающееся лицо.

После возвращения домой Эллиот сразу принял горячую ванну и лёг в постель. Не было аппетита, поэтому съел немного простого супа и снова вырубился, а с того момента неделю не мог встать с кровати.

Тук-тук.

— Хозяин. Вы проснулись?

— Заходи.

Это была Бетси. Она принесла на подносе суп из мелко перетёртого мяса, немного варёных овощей и мягкий хлеб. Поставила это на колени Эллиота, опиравшегося на изголовье кровати.

— Спасибо.

— Когда всё съедите, принесу тёплую воду и полотенце. И новую рубашку со штанами. Пока будете одеваться, поменять простыни и наволочки?

— Мм. Так и сделай.

— Хотя вы не приняли лекарство от головной боли, к счастью, выздоровели без серьёзной болезни. Это забота Бога.

— Это скорее проклятие Бога.

Когда Эллиот, макая хлеб в суп, холодно усмехнулся, Бетси быстро закрыла рот. Эллиот прекрасно знал, как она волновалась, когда он, несмотря на бушующую лихорадку, упорно отказывался принимать жаропонижающее и лекарство от головной боли. Но она, не зная причины гриппа, не знала и того, какое влияние могли оказать на Эллиота сильные лекарственные компоненты. Да и впредь не узнает.

— Спасибо за уход.

— Что вы, хозяин. Это естественно.

При этом Бетси мялась. Держа ложку, Эллиот спросил:

— Есть ещё что сказать?

— Видите ли, из Торнхилла приходил человек.

Хотя не знала подробностей, все слуги знали, что отношения между хозяином Найтстона и хозяином Торнхилла были очень плохими. Два дня там случилось что-то серьёзное, а после вернувшийся Эллиот всю неделю болел в полумёртвом состоянии. Сообразительная Бетси осторожно наблюдала за настроением Эллиота.

Можно было понять беспокойство. Но эмоции Эллиота не так покорно следовали разуму. На мгновение в глазах появилась сила, и Бетси вздрогнула плечами.

— Кто пришёл и чего хотел?

— Приходил Гилфорд, но ничего не хотел. Только...

— Только что?

Поняв неудобное настроение хозяина, Бетси с извинениями продолжила:

— Принёс мазь для ран вместе с мёдом и сушёными фруктами, качественным беконом. Были ещё масло и сыр. Сказал, что это подарки для выздоровления. Не могла использовать без вашего разрешения, поэтому пока положила в кладовую.

— Что.

Мазь и еда. Это было полным пренебрежением к нему. Были разные способы унижить без личной встречи.

— Ублюдок.

Сильно разозлился. Сначала хотел взять всё это и швырнуть в лицо тому типу, но передумал. Тот тип был не из лёгких противников, и лучше было не видаться с ним как можно дольше.

— Выставь это на дорогу. На том пути, который ведёт из Торнхилла в деревню.

— Но оно быстро испортится.

— Так и надо.

Отрезав, Эллиот доел оставшийся суп и расправился с хлебом. После принятия решения было невероятно свежо. Бетси, с трудом поняв намерение Эллиота, пообещав, вышла.

Позже, приготовив тёплую воду и полотенце для умывания, Бетси позвала других слуг и велела вынести полученные вещи наружу, как было указано. Наблюдая сверху за слугами, которые выносили ведро с большим количеством еды, Эллиот скривил губы.

— Жалкая уловка. Принял за нищего.

Такая провокация, притворяющаяся жалкой любезностью, здесь не нужна.

Неизвестно, не дошла ли сразу весть о выброшенных подарках или, зная об этом, упрямо продолжал, но тот тип по имени Гилфорд нагло разъезжал в Найтстон.

— Что на этот раз принёс?

— Мазь, шерстяное одеяло, две связки яиц и три банки сахара.

— Ха. Становится только хуже.

При словах о яйцах и сахаре чуть не вскочил с места. Представил, как швыряет сырое яйцо в лицо того типа и посыпает сахаром яичные осколки, стекающие по лицу.

— Всё выбросить на дорогу.

— Да.

Бетси быстро вышла. Сначала она недоумённо склоняла голову набок, но в следующий раз была с любопытством, что же придётся выбросить.

Затем доставляли ткань хорошего качества, довольно дорогую кожу или редкие пряности. Каждый раз, подтвердив, что было получено, по указанию Эллиота Бетси выбрасывала это.

Как раз когда начал ожидать, что же принесут в следующий раз, поток подарков внезапно прекратился. В дождливый день Эллиот, глядя вдаль на окутанный туманом Торнхилл, по привычке изливал проклятия.

Наступило полное лето. Когда свежая трава, напившись дождя, резко пошла в рост, последствия пережитых страданий тела и души незаметно исчезли. Постепенно стало скучно сидеть дома, и заскучал.

— Сегодня пойду на прогулку.

— Да.

Увидев Эллиота, который наконец поднялся с места, Бетси обрадовалась ещё больше. Верховая езда пока немного смущала. Решил позавтракать легко, переодеться в выходную одежду и пешком обойти край поместья.

Солнце ещё не поднялось на середину неба, так что можно было гулять. Запах созревшего компоста поднимался отовсюду, и с каждым шагом испуганные присутствием насекомых прыгали туда-сюда со стрекотом. Было мирно и идиллично.

Ощупывая ещё влажные чёрные камни, проверял, нет ли ветхих мест в ограде. Медленно идя и запечатлевая в памяти весь пейзаж поместья, почувствовал неприятный запах.

— М?

Незаметно дошёл до начала пути, ведущего к Торнхиллу. Были явные следы того, что Бетси хорошо выполнила приказ. Не было необходимости заходить так далеко, но мёд был разбрызган повсюду, масло размазано по земле, а яйца явно разбиты специально. Кто угодно посчитал бы это злым поведением. Даже ткань была разорвана в клочья. От этой кучи мусора поднимался гнилостный запах.

— Боже... Бетси.

Было как-то смешно. Вырвался смешок. Не было нужды заходить так далеко. Раз так откровенно выставлено напоказ, даже если Артур лично не видел, видел бы Гилфорд, разъезжающий между Найтстоном, а если бы Гилфорд не видел, проходящие мимо люди увидели бы и разнесли слухи, так что так или иначе эта новость достигла бы ушей того типа. Это была небольшая местность.

Не верилось, что после такого зрелища продолжал приносить подарки.

— Что за упрямство.

Нужно ли цепляться, когда отношения настолько плохие? Не понимал, о чём думает Артур.

В тот день днём. Сидел в тени террасы на заднем дворе, где дул прохладный ветер, и неспешно наслаждался лимонадом.

Гилфорд, который долгое время не появлялся, снова пришёл. Бетси пошла встречать его и вернулась.

— Простите, хозяин.

Пока любовался пейзажем, вернулась Бетси.

— Что на этот раз принёс?

— Вот.

Когда повернул голову, Бетси держала какую-то корзину. Украшенная красной лентой, внутри были вино, сыр и букет цветов. Букет цветов явно носил следы мучений в скудном саду Торнхилла. Не знает, сколько оборвали гнилых лепестков, но он был гораздо более скудным, чем обычные цветы, да и относительно целые листья увядали.

"Значит, это цветы, которые сам вырастил".

Даже была открытка.

"Мне больно, что ты так выбрасываешь подарки моей доброй воли."

Как насчёт того, чтобы остановиться и жить хорошо, как соседи?"

— Это он назвал открыткой?

Поразительно. Лучше бы прислал топор, охотничье ружьё или вызов на дуэль с угрозами. Добрая воля. Скорее проклятие вызывало доверие.

Когда нахмурился, Бетси с затруднённым видом спросила: "Это тоже выбросить?"

— Конечно.

Когда холодно отрезал, Бетси, словно с облегчением вздохнув, вынесла корзину наружу.

Бах.

Немного погодя послышался звук разбивающейся тяжёлой бутылки. Бетси, вероятно, швырнула бутылку вина о каменную ограду. Жаркая атмосфера заметно рассеялась. Эллиот с радостным сердцем наслаждался лимонадом с обильным количеством льда.

<http://bllate.org/book/15148/1570521>